
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCEEDINGS

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.17150/2411-6122.2021.3.15-24

Реализация назначения уголовного судопроизводства следователем и защитником: противодействие или взаимодействие?

С.В. Булатова

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация,

S.Photinia@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отношений, складывающихся между сторонами обвинения и защиты в ходе предварительного следствия по уголовному делу. На основе анализа современного российского уголовно-процессуального законодательства, а также взаимосвязи между уголовно-процессуальной наукой и криминалистикой автором сформулирован вывод о необходимости выделения в предмете последних следующих форм отношений, складывающихся между защитником и следователем: взаимодействие и противодействие расследованию. При этом автором, с учетом существующих в науке точек зрения, указывается на разграничение данных понятий по признаку законности действий сторон. Соответственно, в качестве взаимодействия предлагается рассматривать деятельность сторон, осуществляемую в рамках уголовно-процессуального законодательства и направленную на реализацию назначения уголовного судопроизводства, установленного ст. 6 УПК РФ. На основании этого автором предпринимается попытка обозначить также и процессуальные виды такого взаимодействия. Выделение их при этом основывается на способе участия защитника в доказывании по уголовному делу. Так, во-первых, предлагается рассматривать ситуацию, при которой сбор доказательств осуществляется непосредственно защитником. В таком случае следователь, по мнению автора статьи, выступает в возникающих правоотношениях по их проверке в качестве независимого контрольного органа, не исполняя обвинительную функцию. Во-вторых, выделяется процессуальная форма взаимодействия, при которой защитник принимает участие в сборе доказательств стороной обвинения.

Ключевые слова: доказывание в уголовном процессе, защитник, взаимодействие при расследовании преступлений, противодействие расследованию.

Для цитирования: Булатова С.В. Реализация назначения уголовного судопроизводства следователем и защитником: противодействие или взаимодействие? / С.В. Булатова. — DOI: 10.17150/2411-6122.2021.3.15-24 // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2021. — № 3. — С. 15–24.

Original article

Realization of the Purpose of Criminal Proceedings by the Investigator and by the Defense Counsel: Opposition or Interaction?

S.V. Bulatova

Tyumen State University, Tyumen, the Russian Federation, S.Photinia@yandex.ru

Abstract. The author discusses relationships between the prosecution and the defense during the preliminary investigation of a criminal case. Based on the analysis of contemporary Russian criminal procedure legislation and the links between the criminal procedure theory and criminalistics, the author concludes that it is necessary to single out the following forms of relationships between the defense counsel and the investigator: cooperation and counteraction to the investigation. The author, taking into account existing theoretical views, differentiates between these two concepts using the criterion of the legality of the actions of the sides. Correspondingly, it is suggested that cooperation is the activity of the sides carried out within the framework of the criminal procedure legislation and aimed at the realization of the purpose of criminal court proceedings as stated in Art. 6 of the Code of Criminal Proceedings of the Russian Federation. Using this as a basis, the author attempts to outline the procedural types of such interaction depending on the manner in which the defense counsel participates in proving a criminal case. Firstly, there is a situation in which evidence is collected directly by the defense council. The author believes that in this case the investigator checks the evidence acting as an independent auditing body in the legal relationships and does not perform the function of the prosecution. Secondly, there is a procedural form of interaction when the defense counsel participates in the collection of evidence carried out by the side of the prosecution.

Keywords: criminal evidence, defense counsel, cooperation in crime investigation, counteraction to investigation.

For citation: Bulatova S.V. Realization of the Purpose of Criminal Proceedings by the Investigator and by the Defense Counsel: Opposition or Interaction? *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2021, no 3, pp. 15–24. DOI: 10.17150/2411-6122.2021.3.15-24. (In Russian).

Коренные изменения, произошедшие в политической, социальной и экономической сферах государства в связи со сломом советской идеологии, закономерно повлекли преобразование теоретической основы отдельных отраслей российского права. Однако, если иные науки уголовно-правового цикла вынужденно переработали свой теоретический базис в связи с необходимостью выражения новых идеалов в нормативных актах, то в теоретических основах криминалистики существенных изменений не произошло. В связи с этим ряд исследователей, критически оценивая снижение ценности криминалистики в практической деятельности правоприменителя, указывают на несовместимость устоявшейся парадигмы науки и современных нужд уголовного процесса.

В частности, В.Ю. Сокол пишет: «Кризисное состояние отечественной криминалистики имеет закономерный

характер, являющийся отражением произошедших изменений в российском обществе. Для выхода из этого кризиса требуется обновление парадигмы науки, существенное расширение предмета криминалистики, пересмотр традиционной проблематики криминалистической науки, активное обобщение отечественного и мирового опыта, усиление инновационной составляющей науки, повышение готовности решать актуальные практические задачи и внедрять полученные достижения в практику» [1, с. 28].

В частности, это касается положений о состязательности нового типа процесса, что многими криминалистами воспринимается скорее как обстоятельство, препятствующее криминалистической деятельности. К примеру, П.В. Малышкин, указывая на то, что «противодействие раскрытию и расследованию преступлений может оказываться и в рамках действующего

уголовно-процессуального закона», поясняет, что принцип состязательности сторон, закрепленный в ст. 15 УПК РФ, «по существу, является нормативной основой противодействия раскрытию и расследованию преступлений...» [2].

Однако, понятие «законного противодействия расследованию» кажется нам некорректным, поскольку фактически презюмирует недобросовестность стороны защиты. Данный вывод вытекает из общего понятия противодействия, имеющего очевидную отрицательную подоплеку.

Так Р.С. Белкин определял противодействие расследованию, как умышленную деятельность с целью воспрепятствовать расследованию и в конечном счете установлению истины по уголовному делу [3, с. 691].

В свою очередь, В.П. Лавров понимает противодействие расследованию «как совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний» [4, с. 13].

Схожей позиции придерживается и А.Ф. Волынский, по мнению которого «противодействие расследованию представляет собой систему умышленных, противоправных действий (бездействия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге — на воспрепятствование правосудию» [5, с. 47].

Исходя из анализа указанных определений, следует, что противодействие расследованию характеризуется, в первую очередь, нацеленностью на не уста-

новление истинных обстоятельств по конкретному уголовному делу. В этом ключе необходимо отметить, что в криминалистической литературе аналогичная цель, зачастую, приписывается деятельности стороны защиты в целом.

В подтверждении этому можно привести высказывания ряда криминалистов, обосновывающих противоположность целей сторон обвинения и защиты. При этом указывается на то, что «вопросы «тактики защиты», как противоречащие предмету, целям и задачам криминалистики не должны разрабатываться и не могут входить в ее систему» [6, с. 250]. Обосновывая схожую позицию, А.Г. Филиппов пишет: «Главное, что отличает криминалистику от теории профессиональной защиты по уголовным делам и что делает невозможным существование в рамках одной науки, — принципиальное различие в целях». При этом он делает вывод, что перед следователем стоит задача — достижение объективной истины по делу, а цель защитника состоит в защите интересов его клиента.

Однако сомнительной кажется сама формулировка «принципиального различия» целей, стоящих перед сторонами. В самом общем смысле у уголовного процесса и соответственно всех его участников существует единая цель — реализация назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) посредством установления истинных обстоятельств по делу и назначения виновным справедливого и соразмерного содеянному наказания. Таким образом, деятельность стороны обвинения и стороны защиты, направленная на достижение единого результата, в принципе не может иметь в своей основе заведомо несовместимые цели.

Следуя мысли, что цель защиты противоположна борьбе с преступно-

стью, можно сделать вывод, что защитник нацелен на ее поддержание, что само по себе абсурдно. Задача адвоката, выступающего в таком статусе при производстве по уголовному делу — защита прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, а не их преступной деятельности; защита доверенного от незаконного и необоснованного обвинения, а не от наказания как такового. Для достижения этой цели защитник наделен правами по осуществлению доказывания, а значит значительными возможностями влиять на осуществление расследования и, соответственно, его результат. В таком случае тактика защиты и тактика обвинения реализуются в едином процессе, и эта взаимообусловленность предполагает нахождение «проблем адвокатской тактики» в одной плоскости с проблемами тактики обвинения.

При этом необходимо особо подчеркнуть, что речь идет именно о профессиональной деятельности, подразумевая исключительно защитника — адвоката. Профессиональный ценз в этом случае обеспечивает, во-первых, обладание необходимыми специальными знаниями о методологии и инструментарию науки, во-вторых, возможность наравне, с учетом процессуальных возможностей, выступать в отношениях с профессиональными участниками со стороны обвинения и судом.

Кроме того, за рамками рассматриваемого подхода остается и тот факт, что следователь в уголовном процессе также обязан осуществлять защиту от незаконного и необоснованного обвинения, одновременно сохраняя за собой функцию обвинения. В этом случае говорить о противоположности целей защиты и обвинения несостоятельно. Таким образом, разница между сторонами в ходе осуществления расследования

заключается в том, что защитник имеет своей задачей только защиту, а следователь — и защиту, и обвинение.

В таком случае при единстве цели (назначения) деятельности стороны обвинения и стороны защиты невозможно презюмировать за последней задачу противодействия расследованию.

Во-вторых, на наш взгляд, противодействие предполагает исключительно умышленную противоправную деятельность участников уголовного судопроизводства. Понимание в рамках данного явления любого использования стороной защиты своих прав и законных интересов противоречит ряду принципов современного российского уголовного судопроизводства, среди которых можно выделить законность, состязательность и презумпцию невиновности. При этом защитник, действуя в рамках своей компетенции с целью реализации назначения уголовного судопроизводства, также нуждается в эффективной форме общения со следователем, как основным лицом, определяющим направление расследования. На наш взгляд, в данном случае речь идет о взаимодействии сторон, сама возможность которого, однако, в настоящий момент в криминалистической науке отрицается. Данная позиция обосновывается тем, что «применительно к защите правильнее вести речь о согласовании позиций, поскольку стороны обвинения и защиты ставят перед собой разные цели и задачи и имеют прямо противоположный процессуальный интерес» [7, с. 270]. Однако, как уже пояснялось ранее, указание на различие целей сторон прямо противоречит современному уголовно-процессуальному закону, фактически определившему общее назначение деятельности всех участников судопроизводства в ст. 6 УПК РФ. В этом ключе необходимо отметить, что

несоответствие криминалистической науки основным положениям уголовного процесса неоднократно подвергалось критике в научной литературе.

«Криминалистика не перестроилась на рельсы состязательности или почти не перестроилась», — пишет А.С. Александров, обосновывая это отсутствием связи науки с законом и игнорированием последних тенденций развития права в целом. В этом смысле криминалистика «мыслит и действует в системе координат советского предварительного расследования» и потому не в силах адекватно и эффективно разрешать проблемы современного состязательного правосудия [8, с. 279].

Возражая ему, профессор А.Г. Филиппов отмечает, что несмотря на прочные связи, сложившиеся между криминалистикой и уголовным процессом, они при этом являются обособленными друг от друга, равноправными науками. Соответственно, их влияние друг на друга является взаимным. Уголовный процесс в равной степени зависим от криминалистики, также как и «изменения в некоторых разделах уголовно-процессуального закона влекут соответствующие изменения и в организации расследования, и в тактике отдельных следственных действий» [9, с. 63–66].

Не оспаривая самостоятельность криминалистической науки, нельзя, однако, не признавать ее существенную зависимость от уголовно-процессуального закона. Воплощаясь в рамках закона, она в то же время имеет своей целью его эффективную реализацию. Достижение этой цели возможно лишь при тесной взаимосвязи и чутком реагировании на нужды процесса в целом, а не отдельных его участников. Прозошедшие в уголовном процессе изменения фундаментальны. И потому, как «изменения в некоторых разделах

уголовно-процессуального закона влекут соответствующие изменения и в организации расследования», так и смена типа процесса должна повлечь за собой соответствующие (но уже глобальные) изменения основ криминалистики.

Классическое представление о криминалистике, как о науке исследующей деятельность властных участников стороны обвинения и суда, в новых реалиях сужает ее предмет не столько до стадии предварительного следствия, сколько до части деятельности следователя по осуществлению уголовного преследования. Если же представлять ее в качестве науки о расследовании преступлений, то речь придется вести о деятельности не только следователя на стадии предварительного следствия, поскольку теперь круг лиц, способных оказывать значительное влияние на ход расследования, а именно установление обстоятельств совершения преступления, значительно расширен законом. Монополия стороны обвинения на осуществление расследования, при которой была сформирована общая теория криминалистики, сохранившаяся в практически исходном виде до настоящего времени, действующим уголовно-процессуальным законом устранена. Защитник в настоящее время в силу своего правового статуса в значительной степени может влиять на процесс доказывания и, соответственно, установление истинных обстоятельств совершения преступления. Таким образом, отрицание механизма взаимодействия между сторонами не соответствует ни букве, ни духу закона и, что еще важнее для практической деятельности, снижает эффективность расследования.

По данному поводу А.С. Александров пишет: «Назначение криминалистики служит субъектам доказывания. И это могут разные субъекты». При этом

он указывает на то, что существующая криминалистическая тактика нацелена на обеспечение деятельности стороны обвинения в лице следователя, что соответствует следственному типу процесса. Однако он также отмечает, что при другом построении уголовного процесса должен существовать и иной, соответствующий ему, подход к криминалистической тактике. И такой «идеологический выбор» направления расследования делается на базе теории уголовного процесса и теории доказательств. И таким образом криминалистическая наука вторична по отношению к праву и потому изменяется вслед за ним [10].

Кроме того, УПК РФ содержит не только процессуальную основу для взаимодействия сторон, но и предполагает конкретные процессуальные формы его реализации.

В первую очередь речь идет о правоотношениях, складывающихся на предварительном следствии при непосредственном собирании защитником доказательств по уголовному делу. При этом необходимо отметить, что в юридической литературе данное положение является дискуссионным и неоднократно подвергалось критике. В частности, отрицательно на этот счет высказывались такие ученые, как С.М. Даровских, Е.А. Доля, П.А. Лупинская, А.М. Лютынский, С.А. Шейфер и др.

Несмотря на то, что право защитника на собирание доказательств прямо декларируется в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, сама деятельность защитника по собиранию доказательств практически не регламентирована. В тексте закона содержится исключительно указание на допустимые способы ее осуществления. Согласно указанной правовой норме, защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса

лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Однако, как справедливо замечает Л.А. Воскобитова, «закрепление совокупности прав адвоката, т. е. провозглашение их в тексте закона, формирует, по существу, материально-правовую основу для участия адвоката в доказывании. Вместе с тем эти нормы остались необеспеченными процедурно в силу крайне непоследовательного, несистемного и фрагментарного регулирования собственно процедуры реализации этих продекларированных прав» [11].

Однако, мы, в свою очередь, полагаем, что огрехи юридической техники законодателя не могут рассматриваться в качестве основания для исключения защитника из числа субъектов доказывания и, как следствие, ухудшения правового положения его доверителя. На наш взгляд, сложившаяся ситуация может и должна быть разрешена исключительно посредством совершенствования уголовно-процессуального закона.

Также в науке достаточно распространён критический подход, согласно которому защитник не наделен полномочиями по признанию тех или иных сведений в качестве доказательств, в связи с чем самостоятельно не может придать установленной им информации необходимую уголовно-процессуальную форму. К примеру, Ю.В. Деряшев, справедливо замечая, что «собранные сведения для того, чтобы стать доказательствами должны быть помещены в один из источников», указывает на то, что защитник осуществляет только сбор сведений, которые в дальнейшем оформляются в качестве

доказательства противоположной процессуальной стороной, и потому в формировании доказательственной базы не участвует [12]. Подобная позиция также отстаивается З.В. Макаровой, согласно которой защитник собирает фактические данные, обладающие свойствами допустимости. Доказательства же появляются в уголовном деле при придании следователем этим данным свойства относимости [13, с. 25].

Однако такой подход требует уточнения в условиях состязательности сторон. Во-первых, в законе действительно предусмотрен механизм предоставления доказательственной информации. При этом он ограничен от собирания доказательств и имеет установленный субъектный состав. Во-вторых, само по себе наделение следователя правом на приобщение представленной информации некорректно. Полагаем, что речь идет об обязанности осуществить проверку представленного защитой доказательства и, исходя из объективных критериев, признать его соответствующим требованиям закона либо недопустимым. Если при этом предполагать, что властный участник процесса на момент такой проверки продолжает выполнять свою обвинительную функцию, то это фактически создает предпосылки нарушения прав и законных интересов стороны защиты. Закрепление же за ним обязанности на проверку (а не признания) собранных защитником доказательств способствует объективности его восприятия представленной информации. И в этом смысле он выступает с отдельной контрольной функцией, поскольку, выступая от имени государства, несет ответственность за осуществление расследования и, соответственно, достоверность имеющейся в деле информации.

Схожей позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, указав-

ший на то, что сторона защиты вправе непосредственно собирать и представлять доказательства, что является одним из важных проявлений права на защиту и формой реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон. Этому праву соответствует обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, рассмотреть каждое ходатайство, заявленное в связи с исследованием доказательств. При этом исключается возможность произвольного отказа в приобщении к материалам уголовного дела и исследовании представленных ею доказательств¹.

Таким образом, в правоотношениях, складывающихся при представлении защитником самостоятельно собранных доказательств, следователь осуществляет их проверку, что находится за рамками функции обвинения. Проверка доказательств в этом случае, в условиях добросовестности ее участников, объективна и не предполагает конфликтности. И в этом смысле, деятельность, как защитника, так и следователя является согласованной, направленной на установление действительных обстоятельств по уголовному делу, которые являются истинными и относятся к предмету доказывания, в том числе, когда они свидетельствуют в пользу обвиняемого.

Также взаимодействие между защитником и следователем возможно и при осуществлении последним функции обвинения.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4.04.2006 г. № 100-О// Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 4.

Уточним, что, во-первых, защита наделена правом на инициирование ходатайств о проведении отдельных процессуальных и следственных действий. Решение об удовлетворении либо отказе в удовлетворении такого ходатайства также должно быть объективно и обоснованно, т.е. приниматься следователем независимо от его позиции как представителя стороны обвинения. Однако уже в ходе проведения этих действий он реализует свою процессуальную функцию, поскольку не ограничен вопросами, изложенными защитой в соответствующем ходатайстве. При этом стороны также преследуют единую цель — установление в ходе проведения данного процессуального действия истинных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Во-вторых, защитник нередко непосредственно участвует в собирании доказательств стороной обвинения. Речь идет, о его участии в ходе допросов доверителя, а также в следственных действиях, производимых с участием последнего. Кроме того, его участие допустимо и в иных следственных действиях, проводимых по ходатайству стороны защиты. В указанных ситуациях защитник и следователь выступают в качестве представителей сторон защиты и обвинения, соответственно, реализуют свою процессуальную функцию.

Складывающиеся при этом отношения характеризуются некой конфликтностью, которая в конечном итоге приводит к повышению эффективности следствия. При этом сторона защиты, реализуя общее назначение уголовного процесса, в рамках своей компетенции стремится не оказать противодействие стороне обвинения, а своими обоснованными сомнениями устранить пробелы либо нарушения в расследовании, что, на наш взгляд, также является формой их взаимодействия.

Резюмируя, важно подчеркнуть, что взаимодействие защитника со стороной обвинения в лице следователя в ходе собирания доказательств находится в прямой зависимости от реализуемой в этот момент последним уголовно-процессуальной функции и, соответственно, формы участия защитника в доказывании.

На досудебных стадиях уголовного судопроизводства следователь традиционно выступает в качестве представителя стороны обвинения и оппонента для защитника при производстве следственных действий с участием либо по инициативе последнего. Однако, в случае если собирание доказательств осуществлялось защитником, следователь, исполняя свою обязанность по их проверке, уже не реализует обвинительную функцию, а выступает в качестве независимого контрольного органа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография / В.Ю. Сокол. — Краснодар : КрУ МВД России, 2017. — 332 с.
2. Малышкин П.В. Законное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / П.В. Малышкин // Мир науки и образования. — 2016. — № 3 (7). — С. 1–14.
3. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. — Москва : Инфра М, 2001. — 990 с.
4. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учебник / Б.Я. Гаврилов [и др.] ; под ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. — Москва : Юрайт, 2017. — 205 с.
5. Криминалистика : учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 943 с.

6. Яблоков Н.П. «Криминалистика защиты» или антикриминалистика? / Н.П. Яблоков, А.Ю. Головин // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 242–250.
7. Криминалистика : учебник / под ред. В.Н. Карагодина, Е.В. Смахтина. — Москва : Юрайт, 2019. — 487 с.
8. Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики / А.С. Александров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 2 (15). — С. 277–280.
9. Филиппов А.Г. О статье проф. А.С. Александрова «Семь смертных грехов современной криминалистики» / А.Г. Филиппов // Вестник криминалистики. — 2010. — № 3 (35). — С. 63–66.
10. Александров А.С. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальная стратегия / А.С. Александров // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития : материалы 56-х криминалистических чтений. В 2 ч. — Москва, 2015. — С. 29–36.
11. Воскобитова Л.А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании. Статья 1: поиск алгоритма / Л.А. Воскобитова // Уголовное судопроизводство. — 2012. — № 2. — С. 22–24.
12. Деришев Ю.В. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России / Ю.В. Деришев. — Омск : Омская юридическая академия, 2009. — 196 с.
13. Макарова З.В. Состязательность нужна, но какая? / З.В. Макарова // Законность. — 1999. — № 3. — С. 24–27.

REFERENCES

1. Sokol V.Ju. *Crisis of domestic criminalistics*. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2017. 332 p.
2. Malyshkin P.V. Legitimate opposition to the disclosure of the investigation of crimes and the principle of competitiveness in criminal proceedings. *Mir nauki i obrazovaniya = World of Science and Education*, 2016, no. 3 (7), pp. 1–14. (In Russian).
3. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. *Criminalistics*. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 990 p.
4. Gavrillov B.Ya., Lavrov V.P. (eds). *Counteracting the Investigation of Crimes and Methods of Overcoming it*. Moscow, Yurait Publ., 2017. 205 p.
5. Volynskii A.F., Lavrov V.P. (eds). *Criminalistics*. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2012. 943 p.
6. Yablokov N.P., Golovin A.Yu. The criminalistics of defense or anti-criminalistics? *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminalistics: Topical Issues of Theory and Practice. Materials of International Research Conference]. Rostov-on-Don, 2004, pp. 242–250. (In Russian).
7. Karagodin V.N., Smakhtin E.V. (eds). *Criminalistics*. Moscow, Yurait Publ., 2019. 487 p.
8. Aleksandrov A.S. Seven deadly sins of modern criminalistics. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2011, no. 2 (15), pp. 277–280. (In Russian).
9. Filippov A. G. About the article by prof. A.S. Alexandrov «Seven deadly sins of modern criminalistics». *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2010, no. 3 (35), pp. 63–66. (In Russian).
10. Aleksandrov A.S. Criminalistic tactics and criminal procedural strategy. *Kriminalisticheskaya taktika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy 56-kh kriminalisticheskikh chtenii* [Criminalistic tactics: current state and prospects of development. Materials of the 56th criminalistic readings]. Moscow, 2015, pp. 29–36. (In Russian).
11. Voskobitova L.A. Competitiveness: the two concepts of a lawyer in proving. Article 1: Search for an algorithm. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2012, no. 2, pp. 22–24. (In Russian).

12. Derishev Yu.V. *Optimisation of pre-trial proceedings in the criminal procedure of Russia*. Omsk Law Academy Publ., 2009. 196 p.

13. Makarova Z. V. Competitiveness is needed, but what is it? *Zakonnost' = Legality*, 1999, no. 3, pp. 24–27. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Булатова Светлана Вячеславовна — аспирант кафедры уголовного права и процесса, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Bulatova — Ph.D. Student, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 17.02.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.06.2021

Принята к публикации / Accepted 16.08.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 03.09.2021